

Я БЕГАЛ ОТ СОВЕТСКИХ СЕКРЕТНЫХ СЛУЖБ ВАЛЬТЕР ФОН КЕННЕЛ, ПРЕЗИДЕНТ LONGINES

baselworld-2011: dolce vita longines

Dolce Vita — это не новая коллекция Longines, однако она очень важна в регистре марки, поэтому в ней ежегодно появляются новые версии часов. Dolce Vita — это базовая женская линия Longines. В ней представлены сегодня 20 вариаций: с прямоугольным корпусом, а также с корпусом «бочкой», из стали, стали с золотом, на браслетах и кожаных ремешках, с бриллиантами и без них, с перламутром или черным китайским лаком на циферблате. Уникальность любых часов из этой серии Longines заключается в том, что они остаются настоящей, истинной швейцарской классикой.

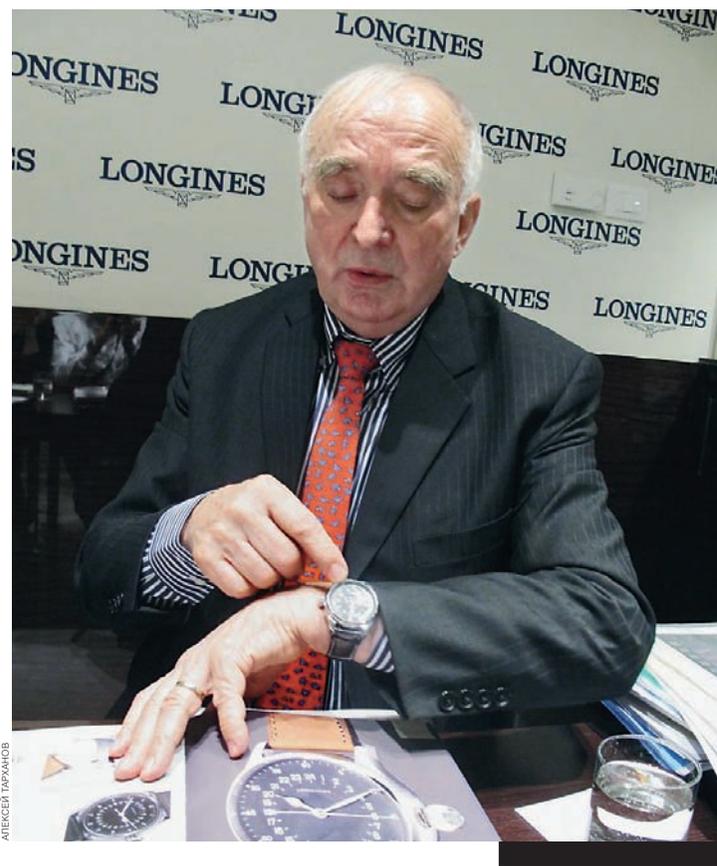
Часы Longines, марки, которой седовласый патриарх-управленец Вальтер фон Кеннел руководит более тридцати лет, имеют не только элегантное настоящее, но и славное спортивное прошлое. Причем это почетное олимпийское прошлое. Не раз стальные хронографы Longines считали победные доли секунды: например, в 1972 году на Олимпиаде в Мюнхене и в 1980-м — в столице СССР городе Москве. Вальтер фон Кеннел, часовщик, топ-менеджер, полковник и коллекционер оружия, рассказал о том, что ему понравилось в советской столице.

— Олимпиада в Москве, столице Советского Союза, страны, которой давно нет: что вам запомнилось больше всего?

— Я пробыл тогда почти два месяца в советской столице. На нашей часовой команде замыкались практически все вопросы хронометража. Мы тестировали на стадионах часы, работали в тесной связке с Олимпийским комитетом. Никаких технических проблем не было. Я жил в сверхсовременной по тем временам гостинице «Космос», построенной, кажется, французами. У меня был номер люкс, выходящий окнами на большую площадь, за которой начинался комплекс ВДНХ. Конечно, ко мне был прикреплен специальный человек из секретных советских органов. Он находился в коридоре, на этаже. В те годы я увлекался марафоном. Бегал почти ежедневно всю дистанцию. И в Москве себе в этом удовольствии — ведь город был практически пустым — не отказывал. Так вот, специальный человек из секретных органов был вынужден каждое утро бегать за мной. В прямом смысле. Я тренировался на территории как раз ВДНХ, вот почему верно помню название этого комплекса. Мне-то что! Я привыкший. Бегу себе в белых трусах с ветерком. А советскому товарищу было тяжело. Ему тяжело, а мне смешно. Из значимых европейских персон, прибывших в Москву на Олимпийские игры, я хорошо помню Жоржа Марше, лидера французских коммунистов, генерального секретаря Французской компартии. Вы вот, наверное, и не знаете ничего про товарища, камрада Марше? О, могучий был человек! Скала мирового коммунизма. Жорж Марше был очень увлечен как спортом, так и политической обстановкой. Последней даже больше. Кажется, Марше тогда в порыве коммунистической страсти поддержал ввод советских войск в Афганистан. Его, кстати, в Европе называли маленьким Сталиным. Именно эта инициатива — ввод ограниченного контингента — заставила многие западные делегации отменить свое участие в советской Олимпиаде. Но многих на Западе очень интересовал и даже манил Советский Союз, и все, кого я знаю, стремились увидеть эту необыкновенную страну.

— У нас в России было такое понятие — «советский человек».

— Конечно, нас всех удивляла определенная бытовая бедность советских людей. Мы же представляли страны капитализма. Достаток, сытость, каждому — по часам. Каждому — по персональному автомобилю. А тут такой социализм. Все в одинаковых плащах. Кеды какие-то. Белые рубашки. Синие штаны. Одинаковые костюмы. Толкаются в троллейбусах. Ни у кого я не видел собственной машины. Но я не знаю, что такое советский человек. Кто это. Мне очень нравились просто русские люди. У меня, например, была

«русские дорожат классическими часами. Они всегда хотят проверить — как там поживает старое»

переводчица, она переводила с французского, английского, немецкого. Она на трех языках говорила так же, как и я сам. Но она никогда не выезжала за границу! Идеальное произношение, точная грамматика, потрясающе богатый словарь. У женщины, которая никогда не покидала пределов Москвы, были идеальные иностранные языки. Я был потрясен этим. Мы все понимали, что русские — другие, иные, чем мы. Очень талантливые. И отчаянные в чем-то. Но не отчаявшиеся. Потом уже я всю вашу страну объездил: Владивосток, Ростов, Урал, Поволжье. Широкие русские люди. Кажется, это еще писатель русский сказал.

— Мы можем ответить вам и Longines взаимностью. Часы Longines любят в России. У вас есть объяснение? Ну кроме, конечно, загадочной русской души, которой все время что-то нравится?

— Во-первых, часы Longines покупали еще до революции. Во-вторых, русские в принципе ценят историю. Есть какая-то генетическая память. Я с кем из русских не говорил, так обязательно вопрос: а сколько лет модели, а кто носил, а почему, а что потом? Вот, например, азиатские рынки, так они ненасытны до новинок. А русские реагируют на новинки весьма и весьма аккуратно. Осторожно. Бог с ним, с новым-то. Проверить лучше, как там старое. В-третьих, русские любят классические часы. Именно классику, никакой не авангард. Простые часы. Три стрелки. Белый циферблат. Кожаный ремешок. Вот вроде тех, что на мне сейчас.

Беседовала Екатерина Истомина